

В. В. ДАНИЛОВ

Некоторые приемы художественной речи в грамотах и других документах Русского государства XVII века

Во введении к истории русской литературы XVII столетия В. П. Адрианова-Перетц отмечает, что художественная литература эпохи крестьянских войн, и польско-шведской интервенции „тесно сплетается с документальным материалом“ и между ними устанавливается стилистическая связь. Это „сказывается в деловом языке некоторых повестей и в церковной риторике, которой не лишены особенно грамоты Троицкого монастыря“.¹

Что „искусные иноки“, как говорили в XVII веке, сообщали своим военно-политическим воззваниям риторический характер, это вполне естественно, так как для них культура выразительной речи была делом профессиональным. Но приемы художественной речи проникают гораздо дальше и глубже — в московские грамоты и другие документы, не связанные с церковными кругами.

Задача моей статьи — рассмотреть московские грамоты и близкие к ним документы: отписки, памяти, послания и пр., преимущественно XVII столетия, со стороны изобразительных и выразительных средств языка, что может дать понятие о более широком уровне литературного развития, чем изучение одних художественных произведений.

Крупные изменения, происходившие в Русском государстве XVII века, складывание всероссийского рынка, окончательное закрепощение крестьян, обострение классовой борьбы и усиление самодержавия вызвали потребность в усиленном законодательстве. Соборное уложение, отразившее сдвиги в социально-экономическом развитии страны, представляло собой более развитую систему права, чем предшествовавшие законодательные памятники; однако, как и во всех кодексах феодальной эпохи, в уложении отсутствовали нормы, регулировавшие деятельность центральных учреждений, а также определявшие взаимоотношения центральных учреждений с местными.² Это обусловило необходимость появления многочисленных правительственных грамот, представлявших „частные или местные распоряжения по тем или иным вопросам управления и суда“, из которых мало-помалу вырабатывались общие нормы.³

Администрация на местах, с своей стороны, должна была сноситься отписками с центральной властью. „О всем ко государю почасту

¹ История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 18—19.

² С. В. Юшков. История государства и права СССР, ч. 1. М., 1950, стр. 256.

³ М. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Изд. 3-е, СПб., 1910, стр. 217—218.

писати“, как говорится в царском наказе 1622 года вяземским воеводам“.¹

Гражданская власть в сношениях с населением широко пользовалась письменным словом. В окружной царской грамоте 1637 года о преследовании „денежных воров“, т. е. фальшивомонетчиков, приказывалось „против сего нашего указу написать памяти и приклеити у таможен, и по городовым воротам, и в ряде, и по улицам, и по малым торжком, и во всяких местех, где людем сход, опричь церквей, чтоб тот наш указ всем людем был ведом“.²

Церковная власть, центральная и местная, сообщалась с подчиненными ей организациями и лицами также посредством грамот и посланий, причем часто требовалось широкое распространение списков грамот по местам. Например, Ростовский митрополит Варлаам, посылая богомольную грамоту в Кирилло-Белозерский монастырь по поводу возобновления войны с Польшей в 1632 году, наказывал игумену: „послал бы еси с ее наши грамоты списки слово в слово“.³ Поэтому законодательно-административная деятельность центрального правительства и работа по управлению местных гражданских, а также церковных органов требовали громадного числа профессионалов пера: подьячих, „дьячков от письма книг“⁴ и земских писарей. Только население с большой культурой грамотности могло создать целое сословие специалистов письма, разбросанных по всем городам, от западных границ Московского государства до его сибирских окраин. Число не просто грамотных, а искусно грамотных людей в разных классах населения, желавших использовать свое образование для приобретения средств к жизни и, покинув занятия своих родителей, пойти в подьячие, было так велико, что создавало конкуренцию для всего подьяческого сословия. Поэтому, под очевидным давлением снизу, царь Михаил Федорович в 1641 году указал „во все приказы послать памяти, чтоб поповых и дьяконовых детей, и гостинья и суконья сотен торговых, и черных сотен посадских всяких, и пашенных людей и их детей, — в подьячие не принимали“.⁵ Среда профессионалов, „дьячьей избы“, как показывает этот документ, впитывала в себя представителей различных социальных слоев и по необходимости должна была совершенствовать свое мастерство, как это свойственно всякой профессии, и из нее выходили настоящие писатели XVI столетия (историограф „Смутного“ времени, автор „Временника“, дьяк Иван Тимофеев, а во второй половине того же века — Григорий Котошихин).

Чтобы охарактеризовать грамоты и близкие к ним документы с литературной стороны, останавлюсь на некоторых постоянных в московских грамотах, особенно XVII века, приемах художественной речи, встречающихся в них довольно часто.

Говоря о приемах художественной речи, которые можно рассматривать как формы сознательной профессионально-литературной обработки текста грамот, необходимо установить отличие их от тех художественных форм, встречающихся в грамотах, которые отражают художествен-

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею, т. 3, СПб., 1841, № 116, стр. 175. (В дальнейшем — АИ).

² Акты, собранные Археографическою экспедициею, т. 3. СПб., 1836, № 266, стр. 207. (В дальнейшем — АЭ).

³ Там же, № 334, стр. 489. По тому же поводу новгородский митрополит Киприан в окружной грамоте в Архангельский монастырь указывал игумену „от себя богомольные грамоты разослати нарочно наскоре“ по другим монастырям и погостам.

⁴ АЭ, т. 3, № 333, стр. 488.

⁵ АИ, т. 3, № 92, стр. 108.

ную стихию народного языка, и являлись обычными, истари присущими ему художественными элементами.

Мы назовем персонифицирующей метонимией формулу: „куда топор ходил, куда коса ходила“, употребляющуюся в грамотах, утверждающих пределы владения полезной землей и хозяйственными лесными участками. Но она вошла в грамоты не как орнаментальная форма, а как консервативная юридическая формула, которую находим в грамотах разных столетий. Приведем несколько примеров. Жалованная грамота 1400 года ярославского князя Толгскому монастырю: „се яз, князь Федор Федорович, пожаловал есми игумена с братьею Толгсково деревнею Куколциным, и с лесом, и с пожнями, куды топор ходил, куды коса ходила, с пошлою землею, что к ней истари тянуло“.¹ Жалованная грамота 1443 года можайского князя Троице-Сергиеву монастырю: „се яз, князь Иван Одреевич, пожаловал есми игумена Зиновья с братьею, дал есми в дом святой Троице в Сергиев монастырь, в своей вотчине, монастырек Юрьи Святый в Раменце да Поповское на реце на Шексне со всем тем, что к тому монастырьку, к Поповским, издавна потягло, где топор и коса ходила“.² Купчая на селцо Михайловское с деревнями 1571 года: „купчую ему (дьяку Василию Щелкалову, — В. Д.) на ту Уланову вотчину Айгустова велел государь дати, что к тому селцу, к Михайловскому, и к деревням истари потягло, куды ходил серп и коса, и соха, и топор“.³ Жалованная царская грамота Иверскому монастырю 1654 года: „изволили дати. . . отчину нашу новгородской приписи, что был пригород Холм на Ловати реке, со крестьяны и с деревнями и со всеми угоды, куды истари ходил плуг и соха, и топор“.⁴

Следовательно, метонимии, относимые нами к поэтической лексике, являются здесь выражениями юридического порядка.

Точно так же наблюдаемый в языке некоторых грамот ритм есть проявление присущего народной речи ритмического сказа, а не личное сочинительство писца:

А тебе меня, своего брата старейшего,
имети ти честно и грозно;
а мне тебе, своего брата младшего,
держати в братстве и во чти, без обиды...
а добра ти мне хотети везде во всем:
в Орде и на Руси без хитрости...
а кто мне будет, великому князю, друг
и моей братьи младшей, —
то и тебе друг.
а кто мне — недруг и моей братьи младшей,
то и тебе недруг...⁵

По недружбе мне ни на кого не зятати,
а по дружбе мне ни по ком не покрыти...⁶

И даже иные рифмованные формулы, приказания или клятвы, восходят в грамотах к народной рифмованной афористической речи, имеющей

¹ АЭ, т. 1, № 15, стр. 11.

² Там же, № 38, стр. 29.

³ Там же, № 280, стр. 316.

⁴ АЭ, т. 4, № 78, стр. 115.

⁵ Договорная грамота 1435 г. великого князя Василия II Темного и удельных князей: углицкого Димитрия Шемяки и бежецкого Димитрия Красного с галицким князем Василием Косым. АЭ, т. 1, № 29, стр. 20.

⁶ Покрестная запись 1598 г. на верность службы царю Борису Федоровичу. АЭ, т. 2, СПб., 1836, № 10, стр. 59.

место в „Изборнике Святослава 1076 года“, в „Молении Даниила Заточника“ и более всего представленной в пословицах, потому что рифма способствовала запоминанию нравственных правил и наставлений, содержащихся в афоризмах. Сюда принадлежат такие рифмованные формулы, как: „другу не дружить, а недругу не мстить“,¹ „по дружбе никому не норовити, а по недружбе никому не мстити“,² „как начали, так бы и докончали“,³ „как есте начали, так бы есте совершали“⁴ и пр.

Конечно, и метонимии, персонифицирующие земледельческие орудия, и ритмический сказ, и рифмованные приказания — всё это должно было действовать на тех, для кого были написаны грамоты, как действует художественно оформленное слово, но это не плод осознанного стремления профессионала письма повлиять словесною формою на слушателя или читателя, это стихийное проявление творческих элементов народной речи.

Говоря о художественно-литературной обработке московских грамот, я имею в виду приемы их изложения, которые приходится отнести именно к осознанному стремлению профессионалов письма повысить уровень своей работы, сделать ее искуснее и ценнее. К таким осознанным художественным формам в грамотах относится рифмованная речь в распространенном изложении, к которой любили прибегать авторы исторических повестей и мемуаров XVII века, вставляя ее в прозаический текст.

Обыкновенно авторы грамот пользуются рифмой морфологической, чаще всего глагольной. Глагол-сказуемое, преимущественно в инфинитивной форме, заменявшей императив, имел в грамотах, подобно древним классическим языкам, подчеркнутое место в конце речевой единицы или ее более или менее самостоятельной части. Таким образом, благодаря одинаковым глагольным окончаниям создавалась рифмованная неметрическая речь. Грамоты пользуются ею не безразлично. Большею частью рифма появляется в грамотах в случаях, когда она становится средством эмоционального воздействия.

В грамоте воевод князя Одоевского и Головина 1614 года к жителям Астрахани с увещанием оставить Заруцкого и Марину Мнишек говорится: „ныне всего Российского государства дворяне и дети боярские, и всякие служилые люди, и атаманы, и казаки... польским и литовским людям зло их доводят, и там их, врагов и разорителей, доходят, и содеянное ими им мстят, польскую и литовскую землю воюют, жгут и пленят... И вы б... против всяких государевых и Московского государства недругов — иноязычников крепко стояли, и везде, не щадя голов своих, кровь свою проливали, и пленных хрестьянских душ из бесерменских рук высвобождали, а к таким воровским заводам не приставали“.⁵

Рифма придавала приказаниям сугубо императивный характер и поэтому встречается в грамотах, адресованных лицу, от которого требовалось строгое выполнение предначертаний центральной власти.

В 1625 году в Кузнецкий острог, вокруг которого жили ясачные люди — татары и остяки, был послан на воеводство Федор Голенищев-Кутузов. Он должен был сменить прежнего воеводу, при котором население страдало от насилий и поборов, тогда как московское правитель-

¹ АИ, т. 5, СПб., 1842, № 133, стр. 227.

² АЭ, т. 2, № 10, стр. 60.

³ АЭ, т. 2, № 127, стр. 236.

⁴ АЭ, т. 3, № 21, стр. 30.

⁵ АЭ, т. 3, № 19, стр. 24—25.

ство стремилось „государевых ясачных людей от государя не отгоняти и не жесточити“. Для этого новому воеводе дается наказ в наиболее запоминаемой и энергической форме: „татар и остяков от русских людей, от обид и от насильства оберегати, и к ясачным людем ласку и привет держати, и воров от воровства унимати, и наказанье и оборончинити, и ясаков лишних с ясачных людей не имати, и у ружников и у оброчников хлеба на себя Федору не покупати, и самому никакими товары не торговати, и в иные города и в уезды с товары торговли и покупати от себя не посылати“.¹

В грамоте Михаила Федоровича 1617 года, обращенной через новгородского митрополита Исидора ко „всяким служилым и жилецким и уездным людем“ и обладающей всеми чертами церковной риторики, рифмуются книжные отглагольные имена существительные на -ение: „В безгосударное время от польских и от литовских, и от немецких людей, и от безбожных Агарян Измаилтеского рода учинишася многим градом и местом запустение, и святым божним церквам и обителем разорение, и многое бесчисленное крестьянское кровопролитие и позжение, и истопление, и в плен расхищение“.²

Такое накопление слов с созвучными окончаниями в приведенных примерах, число которых можно увеличить во много раз,³ конечно, не было случайностью: это — преднамеренный литературный прием.

Стремление сочинителей грамот к тому, чтобы их содержание служило „ко укреплению и к прибыли вперед, прочно и стоятельно“ и чтобы власти на местах „не гораздо плутали“, вызвало насыщение языка грамот синонимическими словами и выражениями, которые, подкрепляя мысль, ведут к ее более красочному словесному оформлению. Из грамот можно выбрать несколько десятков синонимов, имеющих целью усилить впечатление от сообщения, сделать более веским приказание, более строгим выговор, глубже разжалобить лицо, которому адресована челобитная.

Вот несколько примеров.

1567 г. ... государь, великий князь Иван Васильевич... зело оскорбися и опечалися.⁴

1613 г. ... вы, слыша то, ... скорбите и жалеете...⁵

1613 г. ... и служба ваша к нам и раденье ко всей земли... учинили памятну и славу во веки.⁶

¹ АИ, т. 3, № 134, стр. 222.

² АИ, т. 3, № 284, стр. 451.

³ Рифмованную речь находим в грамоте ростовского митрополита Филарета 1606 года по случаю войны с приверженцами второго самозванца (АЭ, т. 2, № 57, стр. 126), в царской грамоте в Устюжну-Железнопольскую 1608 года о защите против мятежников и литовских людей (АЭ, т. 2, № 93, стр. 188), в царской похвальной грамоте ярославским ратным людем за усердную службу 1609 года (АЭ, т. 2, № 127, стр. 236), в отписке выгодоцев к пермичам о сборе ратных людей 1609 года (АЭ, т. 2, № 102, стр. 200), в грамоте терского воеводы Головина астраханским воеводам о Заруцком и Марине 1614 года (АИ, т. 3, № 30, стр. 28), в сборной грамоте российского духовенства донскому казачьему войску о Заруцком и Марине 1614 года (АЭ, т. 3, № 23, стр. 40), в грамоте бояр и всех чинов людей Московского государства Волжскому казачьему войску о содействии против Заруцкого и Марини 1614 года (там же, № 26, стр. 56), в царской грамоте в Новгород по поводу Столбовского мира со шведами 1617 года (АИ, т. 3, № 284, стр. 450), в окружной царской грамоте о сборе денег для обороны против крымских татар 1637 года (АЭ, т. 3, № 268, стр. 409), в богомольной царской грамоте во Флорищеву пустынь по случаю нашествия татар и турок 1678 года (АЭ, т. 4, № 227, стр. 314) и др.

⁴ АИ, т. 1, № 275, стр. 312.

⁵ АИ, т. 3, № 6, стр. 5.

⁶ АЭ, т. 3, № 3, стр. 3.

- 1614 г. ... им в свою землю ехать безо всякого задержания и зацепки.¹
 1614 г. ... ныне мы, холопы государевы, стали пеши и бесконны.²
 1614 г. ... в Астрахани мы Маринки и Ивашка Заруцкого держати не смели для смуты и шатости.³
 1616 г. ... и мы ... молили и просили, и' радели и промышляли.⁴
 1622 г. ... в Сибирских городех хлеб живет дорог... и то делается нерадением, небереженьем вашим.⁵
 1625 г. ... бережи накрепко, чтоб ... на караулах и на сторожах было бережно и у сторожливом.⁶
 1625 г. ... и они б, уездные люди, жили ... во всем в покое и в тишине.⁷
 1627 г. ... а как отживут урочные годы, и тогда они свободны и вольны, куда хотят.⁸
 1627 г. ... в той деревне люди бедны и скудны.⁹
 1635 г. ... обыскивати накрепко, не боясь и не страшась никого ни в чем.¹⁰
 1640 г. ... А старцом велеть жить в монастыре стройно, смирно и немятежно, в покорении и в повиновении.¹¹
 1676 г. ... ему, Вавиле, ... в ясных остяках шатости и измены проводить.¹²
 1682 г. ... чтоб они пришли в познание и от смятения однолично отстали и были нам, великим государем, в обыклом повиновении и в послушании.¹³
 1697 г. ... было многое их челобитье, что они вконец оскудали и разорлись.¹⁴

Немного, однако, наберется пар синонимов, которые бы не встречались в различных грамотах. Рядовой подьячий черпал их из готового, сложившегося запаса стилистических средств или из старых документов, по которым он учился сочинять.

Особенно показательно традиция приказно-литературной школы проявляется на примере двух грамот, относящихся к разным годам и царствованиям.

В 1610 году царь Василий Шуйский пожаловал Путяте-Дружине-Садилову и его потомству „в род их неподвижно“, т. е. в вотчину, часть поместья, которым владел Путята. По этому поводу была дана грамота, в которой его служба изображена целым рядом хвалебных синонимов: „он, Путята, будучи на Москве, в осаде, против тех злодеев наших стоял крепко и мужественно и многое дородство, и храбрость, и кровопролитие, и службы показал, и голод, и наготу, и во всем оскуденье, и нужу всякую осадную терпел, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоял в твердости разума своего крепко и непоколебимо, безо всякия шатости; и от тое их великия службы и терпенья польские и литовские люди и русские воры от Москвы отошли“.¹⁵

В 1614 году такое же пожалование поместья в вотчину было дано царем Михаилом Федоровичем Ивану Степановичу Урусову „за службу, что он служил и в осаде в Великом Новгороде, и в Торжку, и в Твери“.

¹ АЭ, т. 3, № 17, стр. 20.

² АИ, т. 3, № 22, стр. 22.

³ АИ, т. 3, № 36, стр. 34.

⁴ АИ, т. 3, № 284, стр. 449.

⁵ АИ, т. 3, № 107, стр. 151.

⁶ АИ, т. 3, № 134, стр. 212.

⁷ АИ, т. 3, № 135, стр. 219.

⁸ АИ, т. 3, № 148, стр. 240.

⁹ АИ, т. 3, № 149, стр. 241.

¹⁰ АИ, т. 3, № 184, стр. 337.

¹¹ АЭ, т. 3, № 298, стр. 441.

¹² АИ, т. 5, № 4, стр. 9.

¹³ АИ, т. 5, № 96, стр. 148.

¹⁴ АИ, т. 5, № 262, стр. 475.

¹⁵ АЭ, т. 2, № 159, стр. 272.

Пожалование было утверждено грамотой, в которой сказано: „а он, Иван, будучи с боярином нашим, со князем Михайлом Васильевичем Шуйским, против тех врагов наших стоял крепко и мужественно, и многое дородство и храбрость, кровопролитие, службы показал“. Далее таким же образом, слово в слово, повторяется характеристика, данная Путяте при Василии Шуйском.

Следовательно, два лица, находившиеся в разных местах и в различных условиях, были обрисованы одинаковыми героическими чертами подьячского стилистического графарета, причем некоторые новоторжцы решительно отрицали героизм Урусова и даже обвиняли его в том, что он „вору крест целовал“, о чем подали челобитную, хотя она и была отвергнута.¹

Наиболее художественные приемы речи, создающие наиболее сильные интонации, свойственны документам, идущим от образованных представителей церкви, которые, по словам царской грамоты 1616 года к игумену Троице-Сергиева монастыря Дионисию, „подлинно и достохвально извычки книжному учению и грамотику и риторию умеют“.²

В 1611 году жители города Ярославля послали казанскому митрополиту отписку об ополчении, в составлении которой самое близкое участие должны были принять двенадцать человек чернецов и „соборных попов“, подписавших отписку. Изображая бедствия Русской земли, авторы говорят: „А тесноты русским людям не lze исписати: на Москве и по городом вся православные крестьяня от насильства и кормовых правевеж нещадных в смертной скорби сетуют и плачут и рыдают, с часу на час ожидают смерти“.³ „Сетуют и плачут и рыдают“ — это классический пример восходящей градации синонимов.

Возвращения к русскому народу во время польской интервенции патриарха Ермогена представляют не только образец высокого и самоотверженного патриотизма, но и большого словесного искусства: недаром его называли „вторым Златоустом“. „Ныне, — писал Ермоген о своих современниках в грамоте 1611 года, — безумнее всех явишася: оставльше свет, во тьму отпадоша, оставльте живот, смерти припрягошася; оставльше надежду будущих благ, ... в ров отчаяния сами ся свергоше“.⁴ Это тоже классический пример, в данном случае — анафоры.

Можно было бы повторить почти всю теорию художественного стиля на примерах, взятых из московских грамот. Но я не ставлю задачи исчерпать содержащийся в них изобразительный и выразительный материал. Моя цель наметить в грамотах черты литературной обработки и профессиональной школы. Подьячий, не говоря о людях, „извычных книжному учению“, не всегда простой писец или только чиновник, но часто человек с литературно-художественными навыками. Подобно рисовальщику инициальных букв и заставок в рукописных книгах, старавшемуся разукрасить букву плетенкой, веточками и другими измышлениями своей художественной фантазии, более одаренный подьячий стремился стилистическими приемами привлечь внимание к словесной форме грамоты.

В грамотах обычна формула неотъемлемости и неизменности дарованных прав, построенная на повторе: „а у которых пошлинников на

¹ АЭ, т. 3, № 190, стр. 276.

² АЭ, т. 3, № 329, стр. 483.

³ АЭ, т. 2, № 188, стр. 322.

⁴ АЭ, т. 2, № 169, стр. 288.

грамоты грамота, а на сю мою грамоту грамоты нет“.¹ Эту формулу один подъячий сделал еще более звонкой, играя словом „грамота“. Под его пером в жалованной грамоте 1455 года белозерского князя Михаила Андреевича Афанасию Внукову формула неотъемлемости прав приняла такой затейливый вид: „А на которые грамоты грамоту свою дам своему наместнику или рыбнику, а на сю грамоту грамоты моей не дам. А будет ми дати на сю грамоту своя грамота, и яз дам во имя, на Афанасьеву грамоту, свою грамоту. А будет на него, имя Афанасьеву, грамота, ино Афанасьева грамота в грамоту“.²

К литературной обработке грамот относится также цитирование библейских изречений, поскольку цитаты служат не только приемом убедительности, но также выразительности и образности речи. Не говорю о библейских цитатах, встречающихся в грамотах представителей церкви. Имею в виду цитаты из писания в гражданских документах по памяти, без указания на то, какому в отдельности произведению принадлежит приводимое изречение.

В грамоте Донского казачьего войска 17 мая 1614 года „великому и славному рыцарскому Волскому, Терскому и Яицкому войску“, в которой донские казаки убеждали товарищей по оружию подчиниться новому царю Михаилу Федоровичу и быть „в соединенье душами и сердцаы своими“, говорится: „задняя забывайте, на предняя возвращайтесь, а оживайте, государи, будущих благ; а ведаете и сами святого бога писанье: тысяща лет, яко един день, а день един, яко тысяща лет“.³ „Задняя забывайте, на предняя возвращайтесь“ — это слова из послания апостола Павла к филиппийцам (III, 13), источника которых казачий сочинитель грамоты не называет. Дальше следует общее указание на писание „святого бога“, и из второго послания апостола Петра, также без ссылки на источник, приводится богословская мысль, что тысяща лет, как один день, а один день, как тысяща лет. Встает вопрос, почему эта мысль должна была служить доказательством того, что казаки обязаны подчиниться Михаилу Романову. Вероятно, сочинитель воспользовался ею как „притчегу хитрою“, по выражению Даниила Заточника, непонятною, но возбуждающею воображение.

Летом того же 1614 года на грамоту астраханских воевод, с призывом итти против Заруцкого и Марины, донские казаки отвечали, надо полагать, пером автора предыдущей своей грамоты, что они волжским, терским и яицким казакам писали много, чтоб они задняя забывали, а на предняя простиралися, отступили бы от всякого зла, сотворили благо“.⁴ Изменение текста первой цитаты („возвращайтесь“ — „простиралися“) подтверждает предположение, что она приводится не из книги.⁵ Если бы сочинитель грамот брал цитаты из самого писания, вряд ли он не подкрепил бы их сакраментальными словами: „яко же глаголет“ апостол Петр или Павел, но он не знал источников цитат, которые входили в его умственный инвентарь или в устной передаче или из сборников изречений, где не отмечались источники последних.

Наконец, укажу на риторическое оформление документа XVII столетия посредством произведения русской литературы XIII века. В 1636 году, по указу патриарха Иоасафа, была дана память тиуну Манойлову и поповскому старосте Панкратию о прекращении в московских церквах

¹ АЭ, т. 1, СПб., 1836, № 223, стр. 212.

² АЭ, т. 1, № 374, стр. 466.

³ АИ, т. 3, № 12, стр. 13.

⁴ АИ, т. 3, № 22, стр. 22.

⁵ „Отступили бы от всякого зла, сотворили благо“ — из Псалма 34, 15.

бесчинств, в связь с которыми, как наказание, ставятся бедствия, испытанные русским народом в Смутное время: „Весте ли убо, яко творящим злая и придут ли на ны благая? Чего не пострадохом! Не пленена ли земля? не взяты ли быша гради? не падоша ли без оружия? не помроша ли скоти и не оскудеша ли нивы? И сия вся содеяшася ныне пред очима нашими в наше наказание, а никако же вспомянухомся!“¹ Это не только подражание риторическим вопросам Серапиона Владимирского, но и прямое заимствование из его второго „слова“: „Не пленена ли бысть земля наша? не взяти ли быша гради наши? не вскоре ли падоша отци и братия наша?“. Эти слова проповедника эпохи татарского нашествия почти дословно воспроизведены в документе XVII столетия.²

Заканчивая обзор художественно-литературных приемов, наблюдаемых в грамотах и близких к ним документах Русского государства, можно сказать, что некоторыми приемами они часто сближаются с художественно-литературными произведениями, потому что им не чужда установка на выразительность. Сочинители грамот стремились „снять с языка повседневную одежду и придать ему внешность праздничную“, как распространительно интерпретируется одна скупая фраза в „Поэтике“ Аристотеля (глава XXII),³ иначе говоря, старались посредством определенного подбора слов и их сочетаний воздействовать на умы и чувства читателей и слушателей.

Авторы грамот, светские и церковные, не были только писцами типа сухих канцеляристов более поздних времен, но обладали художественно-литературными навыками и известным литературным развитием, что было не столько индивидуальным явлением, сколько проявлением профессиональной традиции или, говоря условно, профессиональной школы.

¹ АЭ, т. 3, № 264, стр. 403.

² Е. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888, стр. 24.

³ Поэтика Аристотеля. Перевод В. И. Захарова, Варшава, 1885, стр. 87.